

РЕЦЕНЗИИ И ОБЗОРЫ

© 1998 г., ЭО, № 2

Lehtinen Ildikó. Tscheremissischer Schmuck. Ethnografische Untersuchung // Travaux ethnographiques de la Société Finno-Ougrienne. 14 // Suomalais-Ugrilainen Seura, Museovirasto. Helsinki, 1994. 372 s.

В серии «Этнографических трудов», издаваемой Финно-Угорским обществом Финляндии, вышла в свет работа Илдико Лехтинен, посвященная женским украшениям марийцев. Это крупноформатная монография, включающая около 200 иллюстраций в тексте и свыше сотни фотографий в Приложении.

Рецензируемый труд, несомненно, займет почетное место среди посвященных марийцам этнологических исследований. Он основан на обширной базе разнообразных источников, начиная с музейных коллекций и фототек. Так, наряду с материалами Национального музея Финляндии автор детально ознакомилась с соответствующими фондами Эстонского народного музея, Российского этнографического музея, ряда музеев Марийской республики, Башкирии, Государственного музея Татарстана, а также с научными фондами этнографических отделов ряда исследовательских институтов республик Поволжья. Публикация этих материалов, и в первую очередь содержащихся в фондах Национального музея Финляндии, делает их доступными широкому кругу специалистов, что само по себе уже немаловажно. Но для разработки темы не меньшее значение имеет и то, что исследование основывается и на полевых материалах, собранных автором в период с 1981 по 1991 г., что позволило хронологически довести исследование до наших дней.

В рецензии мы сможем лишь коротко осветить содержание работы и только в общих чертах отразить ее достоинства и коснуться тех положений, которые вызывают у нас некоторые возражения или сомнения.

Во Введении (гл. 1) И. Лехтинен определяет задачи своего исследования, его тематические и хронологические рамки, этнические границы (марийцы Мари Эл и живущие в Башкирии восточные марийцы). Хронологическими границами своего исследования И. Лехтинен называет 1880–1990 гг. Практически же они шире: в исторических экскурсах ряда разделов автор уходит вглубь до середины XVIII в. Тематически И. Лехтинен ограничивается изучением лишь «съемных» украшений женского костюма, не касаясь вышивки. На наш взгляд, это ограничение вполне оправдано. Вышивка, правда, составляет существенную часть декора женского марийского костюма. Но рассмотрение техники ее исполнения, цветовой гаммы, форм орнамента, связанная с ним терминология и ее анализ требуют иного подхода, чем изучение съемных украшений. Решить оба вопроса в рамках одного исследования не представляется возможным.

Чувство некоторое неудовлетворенности вызывает раздел первой главы, названный «История изучения». В нем автор рассматривает подход к изучению женских украшений в основном в современной западноевропейской литературе. Работы же российских исследователей, занимавшихся непосредственно традиционной одеждой народов Поволжья (хотя их перечень в библиографии достаточно полон), оказываются практически лишь перечисленными. С одной стороны, это объединяет такое солидное исследование, с другой – некоторые сделанные в дальнейшем критические замечания И. Лехтинен по адресу этих авторов (например, А. Заднепровской) повисают в воздухе. Неясно также, почему автор считает, что коллекции марийских украшений в российских музеях собирались лишь с 1920-х годов (с. 18). Это не относится по крайней мере к наиболее крупной коллекции марийских украшений Российского этнографического музея, часть которых собрана в самом начале XX в.

Как уже было упомянуто, И. Лехтинен рассматривает, во-первых, марийцев Мари Эл: три группы луговых мари и одну – горных и, во-вторых, восточных марийцев. При этом обращает на себя внимание тот факт, что карта собственных полевых работ И. Лехтинен (карта 5) отражает странную непропорциональность пунктов обследования. В пределах Мари Эл работа велась в 22 пунктах, а в Башкирии – в 40. То же самое следует и из списка опрошенных лиц – восточные марийцы составляют в нем около 90%, при том, что они – лишь незначительная и во многом особо развивавшаяся часть марийского этноса. Будем надеяться, что в дальнейшем И. Лехтинен при сборе полевых материалов «восстановит равновесие».

Следующие главы посвящены систематизации материала: «Типы украшений» (гл. 2, разд. 1–2) и «Материалы украшений» (гл. 3, разд. 1–7). Предлагаемая классификация не вызывает принципиальных возражений. Автор подразделяет украшения на два типа: свободно надеваемые и прикрепляемые к разным частям одежды, – и далее систематизирует их по видам. При этом детально описываются их форма, материал изготовления, ареал и принципы ношения. Глава об использованных для украшений материалах – монетах, раковинах каури, бусинах и бисере – дана с прекрасными историческими экскурсами, касающимися

времени их появления, мест и возможностей приобретения. Особенно интересны, на наш взгляд, сведения о металлических украшениях. Автор дает перечень правительственных постановлений, запрещавших местным сельским мастерам обработку серебра, а также пытавшихся ограничить разными способами стоимость женских украшений. Их цена по традиции требовала равноценного калыма за невесту, что превосходило возможности многих женихов. Специальный раздел посвящен существовавшим в разные периоды центрам ювелирных работ, которые снабжали марийцев украшениями. Некоторые из разделов этой главы представляют отдельные, имеющие самостоятельную ценность исследования.

Основная аналитическая часть труда начинается с главы 4 – «Функции украшений». Автор выделяет четыре основных функции: обереговую; символическую или знаковую; инвестиционную и эстетическую. К сожалению, при чтении некоторых из этих разделов возникает ощущение, что автор искусственно ограничил их объем и что ему следовало бы здесь подробнее развернуть свою аргументацию. Некоторые положения выглядят чисто декларативно, как, например, в принципе не возбуждающее возражений положение о том, что некоторые украшения служили оберегами уже в силу своей замкнутой, кольцеобразной формы – это кольца, браслеты, ожерелья, пояса и т.д. В ряде случаев автору не удается достаточно четко разделить функции тех или иных украшений. Само по себе это неудивительно, так как украшения по большей части многофункциональны. Но автор не всегда это оговаривает. Так, она выдвигает гипотезу, что те немногочисленные украшения, которые носили старухи и малолетние девочки – серьги, ожерелья и пояса, – были необходимы им как обереги. Но не менее, на наш взгляд, важна и их статусно-возрастная функция: эти украшения надевали женщины, не относящиеся к фертильным возрастам, и кроме того они служили знаком их половой принадлежности. Разумеется, И. Лехтинен права, когда говорит о необходимости особой защиты от злых сил женщин, вступивших в брак и начавших рожать детей. Они носили особенно большое количество украшений. Но вряд ли и здесь можно говорить лишь об обереговой функции этих богатых украшений. Не только у мари, но и у многих других народов в ходе свадьбы и затем, после рождения первого ребенка, менялись не только украшения, но часто и форма головного убора. Есть полное основание считать, что это связано не только с оберегом, но и с изменением статусно-возрастного положения женщины, т.е. эти украшения имели и знаковую роль. Автор с неизбежностью возвращается к этому в следующем разделе главы, посвященном знаковой функции украшений, где ей приходится вновь говорить и об обереговых функциях украшений (с. 149).

Не совсем ясным остается для читателя, почему подраздел, названный «Украшения как знак марийской идентичности» включен в раздел об эстетическом значении украшений, а не в вышеупомянутый (о знаковой функции). Некоторые положения об эстетической функции украшений остаются недостаточно расшифрованными, как, в частности, мысль о том, что украшения были призваны подчеркивать роль вышивки (с. 167). Не раскрыто и положение о том, что украшения в марийской одежде составляют «второе одеяние», а также, что приводит автора к мысли об аналогии их с русским панёвным комплексом и татарской женской одеждой, состоящей из рубахи, штанов и кафтана (там же).

В целом же раздел об эстетике автор могла бы значительно расширить уже за счет высказанных ею об этом соображений в других разделах: например, в разделе 4.4 в связи с заменой серебряных украшений блестками (с. 157) или приводя высказывания мариек, что украшения красивы (с. 168) и т.д. Эстетическую функцию можно в принципе рассматривать последней, но не во временном плане, как это получается в работе. Ведь нельзя отрицать того, что эстетические воззрения развиваются у людей достаточно рано.

Пятая глава работы, скромно названная «Марийские женщины – изготовительницы и носительницы украшений», представляет, на наш взгляд, специальный интерес и придает исследованию особую ценность. Это, несомненно, новаторский раздел и новаторский подход к раскрытию избранной И. Лехтинен темы, да и вообще в изучении той области этнологии, которую автор определяет как «женскую культуру». В этой главе автор рассматривает развитие украшений в связи с теми изменениями, которые происходят в положении марийской женщины в ходе веков: это развитие ее образования, изменение религиозных воззрений, трансформация ее роли в семье и в ее хозяйственном положении начиная со второй половины XIX в. и вплоть до наших дней.

Анализ этого развития проведен интересно и убедительно. И. Лехтинен подчеркивает двойственность положения женщины в обществе и семье на разных исторических этапах. С одной стороны, жизнь марийской женщины в прошлом была ограничена рамками ее семьи и двором. Марийки долго оставались почти поголовно неграмотными. Низкий образовательный уровень и то, что женщина в марийской семье стояла на втором плане, «за спиной мужчины», способствовали сохранению в женской среде старых религиозных верований и различных суеверий, приверженности к старой системе ценностей. Женщины передавали при этом свои взгляды и младшему поколению, потому что воспитание детей было в основном их задачей. Несмотря на постепенный рост образовательного уровня и включение женщины в сферу общественного производства, особенно в послереволюционный период, приверженность мариек старым нормам поведения и воззрениям оказалась весьма устойчивой.

И. Лехтинен убедительно развивает свой тезис о том, что марийская женщина играла важную роль в старых языческих обрядах, несмотря на то, что формально она исключалась из важнейшего древнего

ритуала жертвоприношения. Оставаясь на заднем плане, женщина осуществляла ряд подготовительных действий для проведения обряда: очищение ритуальной одежды, топку бани, приготовление блюд ритуальной трапезы и т.д. Именно «теневая роль» женщины способствовала тому, что она была хранительницей старых традиций. Специальные разделы монографии посвящены влиянию православия и местного сектантства (секта Большая свеча) на одежду женщин и, в частности, на их украшения. Так, отмечается борьба православной церкви против ношения традиционных марийских головных уборов. Приводятся сведения о том, что в прошлом женщинам, принимавшим крещение, дарили головные уборы типа русской сороки. Известно, что народные формы головных уборов, в том числе и некоторые русские, вызывали у православной церкви особую неприязнь. Однако к непокрытой голове она относилась отрицательно, поэтому тот факт, что марийки быстрее отказывались от народных головных уборов там, где был более тесный контакт с православным населением, требует специального объяснения. Что же касается секты Большая свеча, то она предписывала женщинам отказ от украшений из раковин каури и монет и ношение головного убора типа сороки.

Автор рассматривает также хозяйственную роль женщины и изменение ее в ходе времени. Тезис И. Лехтинен о двойственности положения марийской женщины, и здесь раскрывается весьма убедительно. Главой крестьянского двора был мужчина, на нем лежала ответственность за хозяйство и он имел право распоряжаться доходами. Женщина тем не менее не только вела домашнее хозяйство и помогала в работе на поле. В ряде местностей марийки вносили существенный вклад в доходы семьи – они работали на рынок, поставляя на местные ярмарки льняные ткани собственного изготовления, причем это было достаточно распространенным явлением (с. 187). Кроме того, во многих местностях мужчины уходили на заработки на длительное время, что в пореформенный период приобрело массовый характер. Таким образом, женщина нередко фактически была главой в своем доме.

Уже упоминалось, что женщина была основной воспитательницей детей, но особенно относилось это к девочкам, которым она прививала навыки ведения домашнего хозяйства и рукоделия. В плане рассматриваемой И. Лехтинен темы важно то, что знание форм народной одежды и украшений переходило от матери к дочери, также как и умение изготавливать их своими руками. Все эти вопросы автор дает в историческом аспекте, доводя исследование до наших дней.

В главе 6 рассматриваются комплексы одежды и украшений тех пяти этнографических групп марийцев, которые были выбраны автором для изучения. В Заключение содержится краткое резюме о состоянии и развитии марийской одежды на трех временных этапах: во второй половине XIX в., с конца XIX в. до начала XX в. и, наконец, с 1920-х по 1950-е годы.

Мы постарались показать, насколько широко автор рассматривает свою тему – как с хронологической точки зрения, так и по широте анализируемых вопросов. Значение труда И. Лехтинен вряд ли можно переоценить, несмотря на некоторые упомянутые нами неточности и недоработки в отдельных разделах исследования.

Если бы имелась возможность, работу стоило издать и на русском языке: она найдет читателя не только среди специалистов, но и в широких кругах населения, в первую очередь среди самих марийцев. Разумеется, выход работы на немецком (а не финском) языке также расширяет круг ее читателей, однако сам перевод вызывает некоторые замечания. О большинстве из них не стоит упоминать в печати, но об одном все же следует сказать: марийцы именуются черемисами, что отразилось и в названии книги. Не знаю, что заставило автора на сей раз предпочесть этот термин: в работе 1979 г. она употребляла термин «марийцы»¹.

Термин «черемисы» в наши дни представляется анахронизмом – он вышел из употребления как в англоязычной, так и в немецкой литературе. У нас в стране от старых терминов, применявшихся по отношению ко многим народам России в царское время, стали отказываться уже с 1920-х годов, заменяя их самоназваниями. Старые термины нередко носили пренебрежительный характер и задевали чувство национального достоинства этих народов. В рассматриваемой работе вследствие употребления отжившего свой век слова имеются весьма неудачные словосочетания, как, например, «черемисы, живущие в Мари Эл». В наши дни, когда народы России переживают подъем национального сознания, стремятся к возрождению родных языков и этнических традиций, термин «черемисы» звучит особенно неуместно.

Н.В. Шлыгина

Примечание

¹ *Lehtinen I. Naistren Korut Keski-Venäjällä ja Länsi-Siperiassa. Helsinki, 1979.*